

МИТРОПОЛИТ КИПРИАН И ТВЕРСКОЙ ЕПИСКОП АРСЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Татьяна ИЛЬИНА (Тверь, Россия)

Епископ Арсений, причисленный к лику святых в 1547 г., духовный покровитель Твери, возглавлявший тверскую кафедру с 1390 по 1409 г., является крупным религиозным, политическим и культурным деятелем конца XIV – начала XV в.

Где и когда родился святитель Арсений достоверно неизвестно, историки склоняются к мнению, что он является выходцем из южнорусских земель¹. Еще юношей он постригся в монахи Киево-Печерской лавры, где выделялся среди иноков своей благочестивой жизнью – строгим хранением монашеских обетов, знанием Церковного устава, начитанностью в Священном писании. Благодаря этому, он обратил на себя внимание проживавшего тогда в Киеве митрополита Киприана, который приблизил его к себе и возвел в сан архидьякона как ближайшего сотрудника в управлении епархиальными делами.

В 1381 г. великий князь Дмитрий Донской пригласил Киприана в Москву занять митрополичью кафедру. Скорее всего, вместе с Киприаном прибыл сюда и Арсений². Когда в 1382 г. на Москву напал татарский хан Тохтамыш, Киприан удалился в Тверь. Он избрал этот город для своего укрытия, так как стремился к объединению Московского и Литовского княжеств, а Тверь являлась третьей силой, которая могла либо способствовать, либо мешать такому объединению. Вообще, в деле объединения русских земель в единое государство с центром в Москве во второй половине XIV в. Тверское княжество играло еще достаточно большую роль. Кроме того, тверской князь Михаил Александрович и Киприан находились в сходном политическом положении по отношению к московскому князю. Они оба имели обиду на него. Михаил Александрович в свое время с помощью Дмитрия Донского был отлучен от церкви митрополитом Алексием за антимосковскую политику, а Киприан был арестован великим князем в 1378 г. при законной попытке занять митрополичью кафедру. Еще в марте 1374 г. Киприан в качестве патриаршего

посла был в Твери одновременно с митрополитом Алексием при посвящении в сан нового тверского епископа Евфимия. Уже тогда могло быть положено начало союзу между тверским князем Михаилом Александровичем и будущим митрополитом Всея Руси Киприаном. Все это объясняет тот факт, что местом своего укрытия от Тохтамышша Киприан избрал именно Тверь. Член Тверской ученой архивной комиссии И. Виноградов выдвинул версию, что с Киприаном тогда же прибыл в Тверь и его протодьякон Арсений, и за то время, пока Киприан и его окружение находились в Твери – с августа по октябрь 1382 г. – тверитяне сумели узнать и полюбить Арсения.

После окончательного назначения Киприана на митрополицию кафедре в 1390 г., его первым мероприятием было разрешение затянувшегося конфликта между тверским князем Михаилом Александровичем и местным епископом Евфимием и назначение на тверскую кафедру своего помощника и друга Арсения. Произошло это летом 1390 г. и подробно описано в летописях³. О причине конфликта летописи умалчивают и можно только предполагать, что в его основе лежали претензии Евфимия на вмешательство в гражданские дела княжества. Особую роль сыграло и то, что он был ставленником недруга Михаила Александровича святителя Алексия.

Арсений не сразу принял предложение тверитян, так как по натуре был человеком миролюбивым и больше всего боялся всяческих смут и раздоров. Это опасение усугублялось тем, что Арсений был свидетелем суда над епископом Евфимием и слишком смелого восстания пасомых на своего пастыря. Тверитяне не могли внушить ему доверия и расположения, поэтому после суда Арсений вместе с Киприаном уехал в Москву. Но князь Михаил Александрович и жители Твери не желали расставаться с Арсением, вскоре после отъезда митрополита Михаил Александрович послал к нему своих бояр с челобитьем, прося опять прибыть в Тверь. Вскоре митрополит в сопровождении внушительной свиты возвращается в недавно покинутый город для разрешения церковного нестроения. Наилучшим выходом из затруднительного положения князь и его народ по-прежнему считали поставление на Тверскую епископскую кафедру Арсения. Тверитяне стали просить Арсения, который и на этот раз долго не соглашался, но жители города как будто чувствовали, что именно такой высоко нравственный человек нужен был для Твери в это время. Наконец 24 июля в воскресенье протодьякон Арсений был положен в епископа Тверского⁴.

Митрополит Киприан, уступивший тверитянам св. Арсения в силу их настойчивых просьб, почитал его как своего бывшего сотрудника и привлекал к участию в общецерковных делах. Известно, что Киприан вызывал Арсения в Москву для решения церковных дел в 1401 и 1403 гг.

Вероятно, что и Киприан не раз бывал в Твери для разрешения конфликтов между князем тверским и московским. С этой целью митрополит, например, ездил в Тверь на масленице 1399 г., после чего московский и тверской князья „покрепиша миру“⁵.

Являясь единомышленником Киприана, Арсений во всем поддерживает его и на Тверской земле воплощает в жизнь идеи митрополита.

Прежде всего, Арсений поддерживает Киприана в политике. Как убедительно доказал прот. И. Мейендорф⁶, Киприан был верен идее византийского православного содружества. При нем произошло воссоединение митрополии Киевско-Литовской и Галицко-Волынской в единую с центром в Москве, которая подчинялась Константинопольскому патриархату. Вся деятельность митрополита была направлена на подавление очагов сепаратизма, основными из которых была Москва, Литва и Тверь. Общерусский летописный свод, составленный при Киприане, так называемая Троицкая летопись, вполне отражает стратегический характер деятельности его как предстоятеля русской церкви: „великое княжество Московское, наиболее надежный щит православия, первенствует среди русских княжеств, но не обладает культурной или политической монополией. Доблести и заслуги западных и югозападных княжеств и, конечно, роль литовских князей, получают надлежащее признание и оценку. Наряду с этим, о промахах, просчетах и преступлениях как московских, так и литовских властей в общем рассказывается беспристрастно“⁷. Понятно, что для достижения такого единства необходимо было добиться согласованных действий между светской и церковной властью, чего невозможно было сделать, например, при Дмитрие Донском, который слишком активно вмешивался в церковные дела. Поэтому „одним из главнейших аспектов правления митрополита Киприана на Руси была забота о независимости от светской власти, московской или литовской; если бы не эта независимость, он бы не смог подчинить своей юрисдикции раздробленную в политическом отношении страну“⁸. Таким образом Киприан сделал очень много для объединения русских княжеств в единое государство – Московскую Русь.

Арсений сыграл большую роль в деле погашения одного из основных очагов сепаратизма. Во-первых, именно после поставления Арсения в епископы тверской князь Михаил Александрович стремится к союзу со своим давним соперником – Москвой. В 1391 г. он женит своего младшего сына Федора на дочери знаменитого Московского боярина Федора Ивановича Кошки, одного из советников Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича, и с этого момента прекращается борьба Михаила Александровича с Москвой. Во-вторых, на наш взгляд, не без влияния Арсения, меняется характер деятельности тверского князя. В последние 24 года своего правления Михаил Александрович был занят внут-

ренным устройством Тверского княжества, в чем оно сильно нуждалось после тревожного времени, и вот почему встречается о нем отзыв, что в его княжение исчезли разбойники, нигде не было насилия и грабежей. Михаил отличался правосудием и милосердием к бедным, современники представляли его как установителя тишины, безопасности и внутреннего порядка⁹. Таким образом была восстановлена „симфония“ между светской и духовной властью, потерянная в предыдущее время. Недооценивать в этом роль первого духовного лица княжества неправомерно. Житие Арсения особо подчеркивает влияние святителя на князя: „Святитель Арсений скоро показал себя достойным святительского сана. Он любил мир и тишину, и при нем все было умиротворено в Твери. Князь Михаил Александрович глубоко уважал святителя Арсения, и, по благословению его, много добра делал для своих подчиненных. Тверской князь особенно любил строить храмы, которые освящал св. Арсений. Так, в 1398 г. святитель Арсений освятил величественный храм в честь св. Архистратига Михаила <...> в бывшем городе Микулине <...> в 1399 г. в честь того же св. Архистратига освятил храм в г. Старице; оба этих храма были построены князем Михаилом Александровичем“¹⁰. К этому можно добавить, что в 1399 г. тверской князь предпринимает капитальный ремонт основного храма Твери – Спасо-Преображенского собора, сильно пострадавшего от грозы 1364 г.¹¹ Именно с того момента, как Михаил Александрович позолотил купола собора, он стал называться „Спасом златоверхим“. Уже после смерти Михаила Александровича его сын Иван Михайлович в 1407 г. заложил соборную каменную колокольню. Изменение внешней и внутренней политики тверского князя после появления Арсения привело к тому, что авторитет Михаила Александровича в глазах Константинопольского патриархата вырос настолько, что в августе 1399 г. на Русь прибыли послы из Византии, доставившие две ценные иконы в дар двум русским князьям – Василию Дмитриевичу Московскому и Михаилу Александровичу Тверскому. В Москву была послана икона „Спас в белоризецах“, в Тверь – „Страшный суд“. Михаил Александрович, в свое время отлученный от церкви св. Алексием, „в конце жизни сравнился в глазах церкви с наиболее почитаемыми и могущественными из всех русских государей“¹². Примечателен в этом смысле рассказ в Тверской летописи о кончине Михаила Александровича, который умер как благочестивый христианин, прося у всех прощения, покайся, раздав свое имущество бедным и постригшись в монахи. Интересно, что и объявить свою волю о передаче власти старшему сыну Ивану он поручает Арсению¹³. Кроме того, в житии особо подчеркивается тот факт, что Арсений был близок княжеской семье и принимал участие во всех ее радостных и горестных событиях. Все это говорит о том, что Арсений последовательно проводил политику объединения княжеств, усиления

духовного фактора в жизни тверитян, соблюдения „симфонии“ между светской и церковной властью.

„Сверх забот о единстве митрополии, основной исторической заслугой Киприана было деятельное, настойчивое и умелое распространение на Руси богословских, литургических и литературных византийских традиций“¹⁴. Что касается „богословских традиций“, то Киприан был сторонником исихазма и нестяжательства, и активно проводил в жизнь основные принципы этих духовных течений. На Тверской земле его строгим последователем является епископ Арсений. Практически приверженность исихазму вылилась в активном развитии монашества в Тверской епархии. Уже в 1394 г. св. Арсений основывает Желтиков монастырь на берегу р. Тьмаки, в который переносит традиции воспитавшей его Киево-Печерской лавры. Вообще это было достаточно традиционным, когда бывшие иноки лавры переносили во все уголки русской земли ее обычаи и устои. Так же и Арсений строит в своем монастыре церковь в честь Антония и Феодосия Печерских, а позже каменный Успенский собор в память об основном храме Киево-Печерской лавры. Помимо этого, Желтиков монастырь становится центром исихазма в Твери. С самого начала здесь вводилось строгое соблюдение устава иноческой жизни и суровые правила, соответствующие традициям монашества Афона и аскетическому течению в религиозной жизни Византии. При Арсении или несколько позже были основаны и получили известность такие монастыри, как Сретенский Савватьевский на Орше и Сретенский Саввин, расположенный в 20-ти верстах от Твери. „Савватиева пустынь, по словам пр. Иосифа Волоцкого, так была известна по строгости и святости правил его основателя, что в нее приходили обучаться иноческой жизни такие любители благочестия, как пр. Корнилий Комельский и сам пр. Иосиф Волоцкий <...> Вериги его (Савватия. – Т. И.), найденные в пещере, находящейся близ села, показывают его подвижничество против плоти, а пещера свидетельница чистых, безмолвных его молитв, говорит, что пребывание его с людьми и в пустыни не всегда легко было душе его и он по временам укрывался в пещеру для бесед с Господом“¹⁵. Основатель Сретенского монастыря преподобный Савва также требовал от своих иноков строгого соблюдения монастырского устава, и если кто из монахов позволял себе опоздать на церковную службу или отвлекаться во время пения, то получал суровое наказание от игумена. Старший брат Саввы Варсонофий, после 5-ти лет игуменства в этом же монастыре стал отшельником и посвящал себя молитве и чтению книг. Имущества у него не было никакого кроме книг, он очень любил нестяжание и „христоподобную нищету“. „Св. Писание пр. Варсонофий изучил так основательно, что знал его наизусть и свободно преподавал из него всякому требующему“¹⁶. Все они были знакомы с Арсением и любили с ним бесе-

довать. Поэтому, по справедливому замечанию А. В. Чернышова, „появлением таких персонажей чисто греческого обличия – пустынников, книжников и верижников, строгих игуменов <...> тверская земля явно обязана влиянию Арсения на умы и чувства тверичей“¹⁷. В монастырях переписывается аскетическо-исихастская литература. Так, в Саввином монастыре в 1416 г. переписывается книга Исаака Сирина „Словеса постнические“¹⁸, а „Лествицу“ Иоанна Лествичника, переписанную самим Киприаном в Студийском монастыре на Афоне в 1387 г., некий иеромонах Прохор доставил в Тверь, где с нее в 1402 г. был сделан список¹⁹. Это лишней раз доказывает общий характер деятельности и духовное влияние митрополита на тверского епископа. Сейчас невозможно точно определить размер и характер книжного фонда Твери конца XIV – начала XV в., так как все монастыри, включая Желтиков, настоятелем которого был Арсений, сильно пострадали во время польско-литовского нашествия XVII в. В настоящее время в архивах Твери хранится примерно 15 рукописных книг XIV–XV вв. Среди них только 4 – русского правописания, и 8 – болгарского, сербского и смешанного русско-болгарско-сербского правописания. (В 3-х случаях в описаниях рукописей характер правописания не указан.) Это свидетельствует о том, что в XIV–XV вв. в Твери либо работали южнославянские переписчики, либо шел поток литературы из Болгарии и Сербии. Скорее всего, было и то, и другое. Несомненно, что духовный пастырь Твери играл в этом процессе главную роль.

Наконец, Арсений является и продолжателем литературных традиций, связанных с Тырновской книжной школой, представителем которой был митрополит Киприан.

Арсений был заказчиком и вдохновителем немалого числа литературных произведений. Незадолго до его смерти в Твери был составлен летописный свод, именуемый историками „Арсеньевским“. Он не дошел до наших дней и сохранились лишь его остатки в составе Летописца Рогожского и Симеоновской летописи, поэтому судить о его характере очень сложно. Но сохранилась древнейшая редакция Киево-Печерского патерика 1406 г., сделанная в Твери под руководством Арсения.

Арсеньевская редакция патерика анализировалась многими исследователями. Наиболее значительными являются работы А. А. Шахматова, Д. И. Абрамовича, А. М. Кубарева, Л. А. Ольшевской, Е. Л. Корявской²⁰. Берсеневский ее список, выполненный в Твери под руководством Арсения, тоже уже достаточно подробно изучен. Мы отметим лишь те моменты, которые не затрагивались исследователями.

Во-первых, это была книга богослужебная, а не книга для чтения, так как начинается она Службой преподобному Феодосию Печерскому. Таким образом, тексты этой книги должны были звучать в церкви, а жителям служить наставлением в праведной жизни и подвижничестве не только

для монахов Желтикова монастыря, но и для других монахов и просто светских людей, так как на архиерейскую службу приходили разные люди, да и Арсений мог использовать эту книгу не только на службе в родном монастыре, но и в кафедральном Спасо-Преображенском соборе. В итоге, патерик приобретал значение не только для братии Желтикова монастыря, но и для всех тверских прихожан.

Во-вторых, в патерике явно прослеживается усиление житийного начала. Отсутствие эпистолярной части, т. е. Посланий Симона и Поликарпа, по справедливому утверждению В. М. Истрина и Л. А. Ольшевской, „придавало повествованию общерусское звучание и устраняло субъективную окраску произведения“²¹ Кроме того, на наш взгляд, это связано и с общим характером развития русской литературы, с тем, что в этот период житийный жанр переживает свое возрождение.

Отсутствие эпистолярной части устраняло эффект публицистичности, соотносённости с определенным временем, одновременно усиливая тематическое единство и художественность. Усилено внимание к личности одного из основателей монастыря Феодосия Печерского. За счет того, что патерик открывается Службой Феодосию, за которой следует его Житие и Похвальное слово, вся книга воспринимается как торжественный панегирик личности Феодосия, что было утрачено в последующих редакциях в связи с перестановкой материала. Внимание редактора сосредоточено, сконцентрировано только на личностях, все остальное он отменяет. В подобном построении патерика можно увидеть влияние исихазма, который содержит в своей основе личностное понимание религиозного опыта, а, значит, повышенное внимание к отдельному человеку и его внутреннему миру. Кроме того, как известно в исихазме, идеал отшельничества и отрешенности от земной жизни соотносится с повышенной духовной и социальной активностью. В патерике представлены и отшельники-молитвенники (Онисифор, Евстратий, Никон Афанасий и т. д.) и социально активные личности (Феодосий, Святоша, Агапит и др.).

Торжественность, панегирический характер патерика сближает его с подобными житийными произведениями Тырновской книжной школы.

Наконец, в Арсеньевской редакции впервые после „Жития Феодосия“ появляется „Похвальное слово Феодосию“, авторство которого до сих пор не установлено. В этом тоже можно усмотреть влияние Тырновской школы, так как именно в манере Евфимия Тырновского и Иоасафа Бдинского было стремление слить Житие с Похвальным словом. В Киево-Печерском патерике такое построение наблюдается только в Арсеньевской редакции, во всех последующих „Житие“ и „Похвальное слово“ отделены друг от друга несколькими „Словами“.

Именно в „Похвальном слове“ ярче всего проявился стиль „плетения словес“. Можно предположить, что Арсений вставляет „Похваль-

ное слово“ в патерик не без прямого или косвенного влияния Киприана, который в последние годы жизни (умер он в 1406 г.) написал к „Житию митрополита Петра“ „Похвальное слово“. Киприан достигает апофеоза восхваления митрополита в конце произведения при помощи анафорического ряда. Каждое из 15 хвалебственных предложений начинается с глагола „Радуйся“, что сближает эту часть слова с гимнографией, с формой икоса в Акафисте. Точно так же и в „Похвальном слове Феодосию“ 13 предложений подряд начинаются с глагола „Радуйся“ и являются эмоциональным центром произведения, находясь, правда, не в конце, а в середине „Слова“. Но этот вопрос о влиянии „Похвального слова митрополиту Петру“ на „Похвальное слово Феодосию“ является пока лишь предположением.

Эти немногочисленные наблюдения, на наш взгляд, позволяют говорить о влиянии традиций Тырновской книжной школы на Арсеньевскую редакцию Киево-Печерского патерика. Кроме того, уже отмечалось исследователями, что редакция Арсения стремилась тематически и идеологически поддержать политику Киприана на объединение русских княжеств с центром в Москве. Поэтому Киево-Печерский монастырь приобретает значение общерусского центра, более того – духовно ориентированного на Византию. Об этом, например, говорит тот факт, что Феодосий называется, с одной стороны, „архимандритом Всея Руси“, а с другой – сравнивается с Феодосием Иерусалимским. На наш взгляд, сравнение именно с этим святым связано с тем, что в XIV в. по инициативе Киприана был введен на Руси распространявшийся Константинополем Иерусалимский монастырский устав. Это повлекло за собой повышенное внимание именно к иерусалимским святым. Таким образом, ориентация на Константинополь, следование его предписаниям, налицо.

Итак, можно сделать вывод, что тверской святитель Арсений являлся последовательным сторонником митрополита Киприана и в политике и в литературе.

БЕЛЕЖКИ

¹ См.: Колосов, В. И. Родина святителя Арсения, епископа Тверского // Тверские епархиальные ведомости. 1904. № 3, с. 77–81; № 7, с. 251–262; Димитрий. Тверской патерик. Казань, 1907, с. 72–74; Чернышов, А. В. Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв. Тверь, 1996. с. 210.

² См.: Виноградов, И. Св. Арсений, епископ Тверской. Тверь, 1909. с. 6.

³ См.: Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью, с. 445; Т. 15: Рогожский летописец, с. 159–160; Полное собрание русских летописей, изданное археографической комиссией. СПб., 1897. Т. 11. Вып. VIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 124–125; Полное собрание русских летописей, изданное археографической комиссией. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись.

с. 140—141. Карамзин, Н. М. Примечания к 5 тому Истории государства Российского // Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5—8. М., 1989, с. 91—92; **Виноградов, И.** Указ. соч. с. 8—11.

⁴ Относительно времени поставления Арсения на епископскую кафедру в летописях нет единогласия. Мы принимаем точку зрения Е. Голубинского и И. Виноградова. См. об этом: **Виноградов, И.** Указ. соч., с. 25—33.

⁵ Цит. по: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (Вторая половина XIV—XV в.). Ч. 1. с. 469.

⁶ См.: **Прот. И. Мейендорф.** Византия и Московская Русь. Paris, 1990.

⁷ **Прот. Мейендорф.** Указ. соч., с. 310. О Троицкой летописи см.: **Приселков, М. Д.** Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950; **Приселков, М. Д.** История русского летописания. Л., 1940.

⁸ **Прот. Мейендорф.** Указ. соч., с. 315.

⁹ См.: **Борзаковский, В. С.** История Тверского княжества. Тверь, 1994. с. 173.

¹⁰ **Димитрий.** Указ. соч., с. 75.

¹¹ См.: **Салимов, А. М.** Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.

с. 67—69.

¹² **Чернышов, А. В.** Указ. соч. с. 189—190.

¹³ См.: **Виноградов, И.** Указ. соч., с. 17—20; Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью.

¹⁴ **Прот. И. Мейендорф.** Указ. соч., с. 310.

¹⁵ **Димитрий.** Указ. соч., с. 65—66.

¹⁶ Там же, с. 141.

¹⁷ **Чернышов, А. В.** Указ. соч., с. 213.

¹⁸ См.: **Димитрий.** Указ. соч., с. 142.

¹⁹ См. об этом: Словарь книжников и книжности Древней Руси: вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1988, с. 14.

²⁰ См.: **Шахматов, А. А.** Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Изв. отд. рус. яз. и словесн. Рос. Акад. Наук. Кн. 3. СПб., 1897. Т. 2; **Абрамович, Д. И.** Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902; **Кубарев, А. М.** Исследование о Патерике Печерском и описание древнейшего харатейного списка онога. М., 1847; **Ольшевская, Л. А.** Киево-Печерский патерик (Текстология, литературная история, жанровое своеобразие). Канд. дис. М., 1979; **Конявская, Е. Л.** Арсеньевская редакция Киево-Печерского патерика // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1983, № 2, с. 3—11.

²¹ Цит. по: **Конявская, Е. Л.** Указ. соч., с. 7.